

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском

С чувством глубокого сердечного умиления приступаю я к изложению личных моих воспоминаний о незабвенном молитвеннике нашем отце Иоанне Кронштадтском. Мое искреннее желание - правдиво и благоговейно рассказать все то, что я видел и слышал, все, что я перечувствовал и испытал в присутствии нашего Всероссийского Пастыря, духовная паства которого простиралась от Белого до Черного моря, от Великого океана до Балтийского моря, и в силу молитвы которого верили миллионы не только православных христиан, но и иноверцев.

С чувством глубокого сердечного умиления приступаю я к изложению личных моих воспоминаний о незабвенном молитвеннике нашем отце Иоанне Кронштадтском. Мое искреннее желание - правдиво и благоговейно рассказать все то, что я видел и слышал, все, что я перечувствовал и испытал в присутствии нашего Всероссийского Пастыря, духовная паства которого простиралась от Белого до Черного моря, от Великого океана до Балтийского моря, и в силу молитвы которого верили миллионы не только православных христиан, но и иноверцев.

Жизнь о. Иоанна, его учение, служение и неотразимая сила его обаяния на наш народ заключается в том, что отцу Иоанну была дана свыше особая благодать - воплотить в себе, в самый материалистический век, те начала православной веры, духа и любви, которые легли в основу жизни русского народа, его духовного и гражданского строя, его истории. Отец Иоанн в своем пастырском

служении воскресил преимущественно, во всей эстетической привлекательности и во всем великом церковном и общественном значении, идеал древних Предстоятелей нашей Православной Церкви, Святителей, Печальников и Молитвенников, руководителей жизни народной.

Впервые познакомился я с отцом Иоанном в пятидесятых годах у старого его друга, старушки, царскосельской купчихи, Барановой. Благочестивая, древняя, оригинальная старушка Баранова принимала у себя о. Иоанна, как в древние времена принимали пророков, святых угодников. О. Иоанн служил у нее в доме всеобщие, молебны, освящал воду и беседовал с простой, но детски верующей старушкой, которая выливая ему все свои заботы, беспокойства, поверяла все свои семейные и торговые дела, безгранично ему доверяла и всей душой верила в силу его молитвы. Отец Иоанн относился к ней с глубоким уважением, терпеливо выслушивал все ее сетования и повествования, отвечал на ее вопросы просто, для нее понятно, говорил с нею, как говорят с детьми, утешал, ободрял ее, молился о всех ее заботах, часто ее приобщал. Много на Руси было таких друзей у о. Иоанна, и дружба эти готовы были отдать все, что имели, по одному его слову. Дружба о. Иоанна с такими простыми, добродушными, по-детски верующими людьми, их безграничная вера в его святость, воздвигли по всей родине нашей такие богоугодные учреждения, о которых на Западе и понятия не имеют.

В Царском Селе, например, другая благочестивая старушка М. А. Дрожжина, по одному только слову о. Иоанна на молебне в частном доме, назвавшего ее, бездетную, «бабушкой» и благословившего все ее добрые намерения, устроила образцовый родовспомогательный приют для 50-ти бедных рожениц, пристроив к нему великолепный храм. «Как назвал он меня, бездетную, одинокую, – бабушкой, так я и поняла, что должна устроить приют для бедных рожениц, и теперь у меня в доме рождается 600 внучат ежегодно», – рассказывала мне с умилением почтенная старушка. В доме везде красуются портреты о. Иоанна. Таких богоугодных заведений много на Руси, и воздвиглись они не с обдуманной филантропическими целями, а просто «во Славу Божию и по молитвам драгоценного батюшки».

Но не ко всем относился о. Иоанн с таким благодушием. Я присутствовал однажды при крайне суровом обращении о. Иоанна с лицом, занимающим видное положение. Человек тот, пользуясь пребыванием о. Иоанна у старушки Барановой, пришел к ней и просил о. Иоанна зайти к нему на квартиру, на той же улице, к больному сыну. О. Иоанн наотрез отказался, и, когда просящий стал перед всеми присутствующими на колени и умолял о. Иоанна посетить его квартиру, о. Иоанн, к удивлению всех окружающих, сказал: «Я здесь освятил воду, возьмите ее с собой и окропите ею всю вашу квартиру, и тогда только я

приду». Безропотно, при всех, человек этот поклонился о. Иоанну в ноги, взял чайник со святой водой и удалился. Обождая некоторое время, при общем молчании, о. Иоанн перешел через улицу и вошел к больному. Выходя из дома, о. Иоанн наотрез отказался от объемистого конверта с деньгами, который умолял его принять хозяин квартиры «для раздачи бедным» и, сев в экипаж, принял с благодарностью протянутый ему с запиской каким-то оборванцем рубль. Не могу при этом не вспомнить и другой знаменательный случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В Царском Селе жил молодой еврей Г., сын портного, кончивший университет, провизор. Жена его тяжело заболела, и доктора объявили ее безнадежной. Пришел ко мне Г. и спрашивает совета, может ли он, еврей, поехать к о. Иоанну в Кронштадт просить его молитв, так как он в сущности никакой религии не признает, но верит в силу молитвы о. Иоанна. «Просить все можно», – ответил я ему.

Через несколько дней зашел ко мне сияющий от радости Г. и объявил, что ездил в Кронштадт. О. Иоанн выслушал его, помолился о выздоровлении его жены, был с ним очень ласков, а вернувшись домой, он нашел жену вне опасности. «Еду к о.Иоанну его благодарить и очень обрадую его, так как мы решили, в знак благодарности, у него креститься». Дня через два приходит ко мне Г., сконфуженный и смущенный.

– Представьте себе, – говорит он мне, – что о. Иоанн не согласился меня крестить. Я ему сказал, что в благодарность за выздоровление моей жены мы с женой решили принять крещение из его рук. «А веруете ли вы в Воскресшего Христа Спасителя?»– спросил о. Иоанн. «Нет, – ответил я, – но верю в святые ваши молитвы». «Ну в таком случае я вас крестить не могу, – сказал батюшка, – благодарности вашей мне не надо, изучайте Евангелие, обратитесь к любому священнику и, когда вы уверуете в Христа Спасителя, – креститесь».

– Так я ушел ни с чем, – с грустью сказал Г. – и теперь не знаю, как быть: о. Иоанн ничего от меня принять не пожелал.

Кто видел о. Иоанна только на молебне в частных домах, тот не имеет о нем понятия. Надо было видеть его перед жертвенником во время совершения проскомидии и перед Св. Престолом во время литургии, тогда только получалось представление о глубине его священнического подвига. О. Иоанн во время литургии молился так, что, глядя на него, становилось понятно и ясно, что столько сердец обширной нашей родины глубоко верили в силу его молитвы. В Кронштадтском соборе почти ежедневно в шестом часу утра начиналась служба, утреней. Внутри храма полумрак; перед образами горят свечи, народу много, все благоговейно, без шума и суеты входят, подают записки, покупают свечи, толпятся у просвирных столиков. «Батюшка уже в

пять часов выехал, ездит по Кронштадту», – шепчет сторож. В южном приделе начинается утренняя, служит очередной священник. В главном алтаре, у жертвенника, стоит о. Иоанн, перед ним горит свеча, он весь углублен в чтение писем и телеграмм; после каждого письма долго молится и кланяется; в алтаре тихо, сторожа ходят на цыпочках, видно боятся тревожить общего молитвенника. Собор полон народа, но из алтаря кажется, что никого в соборе нет – тишина и общее молчание. В южном приделе продолжается служба. Вдруг все как будто встрепенулись. По собору проносится волна общего вздоха, это на клирос вышел о. Иоанн, стал за причетника читать и петь канон. Народ толпится у клироса и смотрит в упор на о. Иоанна, а он, не обращая ни на кого внимания, вдохновенно читает, подчеркивая некоторые слова, дирижирует небольшим хором причетников. Кончается утренняя, к о. Иоанну подходят приезжие священники и диаконы, просят служить с ним литургию. О. Иоанн обнимает их и ласково обходится со всеми, подходит к стоящим в алтаре, всех благословляет. Начинается литургия. О. Иоанн в светлом, всегда праздничном облачении, с просветленным лицом, стоит перед Престолом, и душа его беседует с Богом и с Небесной Церковью – с Св. Угодниками Божиими. Он порывисто берет в руки Крест и целует его, подымает руки, делает движения как бы в немом разговоре, утвердительно кивает головой при чтении Апостола и Евангелия, торжественно совершает выходы; вы видите в нем, во всех его движениях, в возгласах, им произносимых, непоколебимую веру в великое значение священнического сана, преемника Апостолов и Святителей, в котором горит священный огонь веры в совершаемое великое Таинство Евхаристии, по установленным Церковью правилам, и на которого обильно изливается свыше благодать совершать в святости и чистоте дела Божии. Народ это чувствует, и каждое появление о. Иоанна встречается общим гулом вздохов и молитвенных возгласов.

Все священнослужители, клир и народ слиты в одну общую молитвенную душу, возносящую к Богу все свои нужды и печали, все свои сомнения, радости и горести, и подъем этого общего молитвенного настроения делается все выше и выше. А о. Иоанн при совершении Даров обращается лицом к народу, перед закрытыми Царскими вратами, указывает на Дары и, принося «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое», приглашает всех на Тайную Вечерю.

После возношения Даров о. Иоанн несколько раз берет в руки дискос с Агнцем и Св. Чашу, подымает их, и слезы так и текут по его щекам. Он весь в молитве, не видит и не слышит, что кругом его происходит, лицо его озаряется светом благодати. Никто не мог в эти минуты без особого умиления и глубокого волнения смотреть на о. Иоанна. Слезы умиления так и льются из глаз, вы чувствуете все ваше ничтожество, всю вашу слабость, всю бедность вашей веры

перед этой картиной великой, чистой, непоколебимой веры. Вы проникаетесь чувством, что отец Иоанн молится за всех, прибегающих к нему за помощью, скорбит за всех, молит, как бы требует, по обетованию, помощи и заступления от Бога, и вам становится ясно, что молитвы о. Иоанна услышаны, что молитвы его именем Христа Спасителя доходят до Престола Всевышнего, что благодать Божия озаряет его чело, его глаза, весь его облик святостью и небесным светом. Вы постигаете, что в Царствии Небесном преобразившееся человеческое тело, созданное по образу и подобию Всемогущего Бога, будет прекрасно, будет сиять, как сияют Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, как сияют все святые, «празднующие глас непрестанный и зрящие доброту неизреченную Лица Божьего».

Во время раздробления Агнца и приобщения духовенства Св. Таин о. Иоанн говорит громко и воодушевленно тексты из Св. Писания. «Слово Плоть бысть и вселися в ны»¹, пророчества, прообразы Ветхого Завета, извлечения из псалмов.

После причастного стиха начинается приготовление к общей исповеди². Отец Иоанн выходит на амвон и становится лицом к народу. Он читает молитву перед исповедью, в которой упоминается о пророке Давиде, и подробно рассказывает всю историю Царя Давида, затем читает вторую молитву и рассказывает историю царя Манассии. Отец Иоанн говорит громко, звучным голосом, и видно, речь его льется прямо из сердца, речь не подготовленная, а прочувствованная в данную минуту. Еще сердечнее и теплее звучит его голос, когда он переходит к Новому Завету, и с умилением говорит он о Всепрощающем Христе: «Во времена Христа Спасителя легко было каяться: пришел, поклонился в ноги Спасителю и вылил перед Ним всю свою душу, умыл слезами Его Ноги, поверг к стопам Его все свои болезни и печали и сразу получил облегчение и прощение грехов. Теперь не то, теперь труднее, надо веровать, надо каяться с сокрушенным сердцем, надо прибегать к Его милосердию, надо плакать, надо обещать не грешить». Долго говорит отец Иоанн, и все сильнее бьются сердца слушателей, все глубже проникают слова милосердия и покаяния; уже многие плачут и сокрушаются, а простые бабы громко всхлипывают. Отец Иоанн прерывает свою проповедь, обращаясь к рыдающим бабам: «Подождите, не плачьте, я вам скажу, когда каяться, теперь слушайте меня внимательно», -- и бабы успокаиваются, только некоторые безутешно, тихо плачут; видно, очень уж тяжело на душе и очень радостно наконец услышать слова утешения любимого батюшки. А батюшка, все более и более сам трогаясь, продолжает говорить о покаянии, приводить примеры из Евангелия, говорить о блудном сыне, о блуднице и останавливается на кающемся разбойнике: «Многие думают, что и они в последнюю минуту покаются, скажут: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем, -- и этим спасутся. Нет, не рассчитывайте на покаяние при последнем

издыхании, надо всю жизнь помнить Христа следовать Его заповедям и чаще прибегать к слезному покаянию. Разбойник вам не пример: ему было прощено все за то, что он усладил своей живой верой последние минуты страдальца Богочеловека, в то время, когда Спаситель был окружен гонителями, когда человеческая природа Его невыразимо страдала. Не сравнивайтесь с ним, кайтесь, пока здоровы, пока живете. Я, сам грешный и окаянный, когда каюсь, слезно прошу Бога простить мои беззакония и неправду». Не выдерживают простые сердца слушателей смиренной речи любвеобильного своего пастыря. «Куда нам до тебя! Ты за нас помолись», – раздаются со всех сторон голоса, полные слез и умиления. «Я за вас помолюсь, но и вы молитесь, кайтесь, припоминайте ваши грехи». И отец Иоанн громко начинает перечислять все грехи и недостатки людские и громко спрашивает: «Каетесь ли вы и обещаете ли стараться не грешить?» Весь народ, все присутствующие начинают громко молиться и плакать, а он, всеобщий молитвенник и печальник, поднимает руки и глаза к небу, и слезы ручьями текут из его глаз, и видно, что он за всех страдает, за всех просит у Всещедрого Господа прощения и помощи, за всех, кто с доверием обращается к нему, кто из дальних окраин нашей родины прибегает к его помощи в дни болезни и печали. Кто видел эту картину молитвы отца Иоанна перед плачущей толпой, тот ее никогда не забудет и в ней найдет нравственную поддержку и утешение во всех тяжелых минутах своей жизни. Подняв высоко свою епитрахиль, над народом, отец Иоанн растроганным голосом читает разрешительную молитву и исчезает в раскрывшиеся Царские врата. Затем все присутствующие причащаются Св.Таин. Все мной изложенное относится к общим со всеми знавшими отца Иоанна впечатлениям. Перехожу к своим личным о нем воспоминаниям.

В 1891 году в России был голод³, принявший в некоторых губерниях угрожающие размеры. В Стрелковом батальоне Императорской фамилии в Царском Селе все нижние чины поступали из бывших удельных крестьян⁴, поэтому в батальон начали поступать просьбы о помощи запасных стрелков из голодных губерний Симбирской, Самарской и Воронежской. Офицеры батальона учредили при батальонной церкви попечительство во Имя Св. Николая Чудотворца о семействах отставных и запасных нижних чинов батальона, пострадавших от неурожая. Но что могли сделать офицеры, когда сотни бывших их сослуживцев стали обращаться за помощью, описывая в ярких красках свое бедственное положение. Зная по опыту, как разрасталось и развивалось каждое богоугодное дело при молитвенном содействии о. Иоанна, я обратился к нему с усердной просьбой приехать в батальонную церковь 9-го мая и отслужить молебен св. Николаю Чудотворцу и этим положить начало делу помощи голодающим стрелкам. Получил письменный ответ от о. Иоанна, что 9 мая праздник в Кронштадте и что он, к сожалению, приехать не может. 7-го мая

утром вдруг получаю телеграмму из Москвы от о. Иоанна, что он приедет 8-го мая вечером в Царское Село, будет у меня ночевать, рано утром отслужит утреню, литургию и молебен с акафистом Св. Николаю Чудотворцу. Почитатели о. Иоанна могут себе представить, с какими чувствами радости и умиления встретили мы дорогого гостя. Ко мне на квартиру стали приходить солдатики с различными просьбами и записочками для батюшки, а один сверхсрочный унтер-офицер просил личного свидания. О. Иоанн его тотчас принял, и унтер-офицер просил об исцелении своей жены, которая уже несколько лет страдает страшным недугом – она не может подойти к Св. Чаше и потому не может сама приобщить своего ребенка. О. Иоанн приласкал унтер-офицера, обещал помолиться и велел привести жену в церковь до утрени. Я неоднократно в Кронштадте присутствовал при тяжелой обстановке борьбы о. Иоанна с одержимыми этой страшной болезнью, невозможностью присутствовать при литургии и приближаться к Св. Чаше. Называю это борьбой, так как воочию видел, как тяжело приходилось о. Иоанну, шаг за шагом, приближать их к Св. Чаше. Видел я раз молодую, вполне здоровую на вид бабу, которую вели четверо мужчин. Она с большим усилием делала шаг вперед и затем упиралась, и никакими средствами нельзя было ее сдвинуть с места. О. Иоанн целую неделю ежедневно перед началом службы заставлял ее подвигаться вперед на один шаг, молился, кропил ее святой водой, при этом сам видимо страдал, обливался потом, именно боролся с невидимой силой. Я воспользовался случаем с унтер-офицером и выразил батюшке мое сомнение, что эти простые бабы одержимы бесом. При этом я выразился так: «Я не верю в беса, который может вселиться в простую, темную бабу; отчего же он не вселяется в образованных, интеллигентных людей? Самые безнравственные, злые и неверующие люди беспрепятственно присутствуют при совершении таинства, а простые бабы мечутся, кричат и неистовствуют». На это о. Иоанн мне ответил следующее: «Верить надо в Бога, в Воскресшего Спасителя, а в бесов верить не надо, это от христианина не требуется. Вы об этом и не думайте, и вообще это совершенно не ваше дело и не входит в круг ваших обязанностей. Верить в бесов не надо, и чем меньше вы о них думаете, тем лучше. Живите по Евангелию, будьте настоящим христианином, и тогда злой дух для вас не страшен. Но мы, священники, постоянно имеем с ним дело, и я думаю, что каждый настоящий служитель алтаря знает, что злые духи и бесы существуют, и борется с ними.

Что касается того, что вы не понимаете, почему бесы не входят в образованных людей, то вы ошибаетесь. Бесы в простых людей входят по простоте, и горе тем злым людям, которые имеют с ними сообщение и через которых бесы вселяются в простых, темных людей. Эти последние только страдают, виновники же те, которые имеют сношение с злым духом. Горе, горе им!

В образованных и интеллигентных людей злой дух вселяется в иной форме, и бороться с ним гораздо труднее. Вообще, повторяю, не думайте об этом. Бывают люди психически больные, бывают нервные. Этим надо лечить, но бывают и одержимые злым духом, и этим никакое лечение не поможет. Они исцеляются только «молитвой и постом». Не следует углубляться в эти вопросы, предоставьте это священникам, которые получили особые Дары Св. Духа для борьбы с злым духом. Злой дух, или попросту диавол, очень любит, когда ему придают большое значение, боятся его, он, лукавый, отец лжи, сейчас же этим пользуется, и тогда беда...»

В первом часу ночи о. Иоанн лег отдохнуть и уже в 4 часа утра встал и предложил выйти на воздух, погулять. День был чудесный, солнечный, и мы вышли в парк, к озеру. Вся жизнь о. Иоанн любил одиночество, чистый воздух, природу, и вся жизнь его протекла в городах, в толпе, в спертom воздухе. Надо было видеть, как он восхищался каждым деревцом, каждым зеленым листиком, как он жадно дышал свежим утренним воздухом, как славил Бога в Его творениях!

Около пяти часов утра мы вышли из парка и на шоссе перед казармами встретили толпу чухонok с молоком. Чухонки, увидев о. Иоанна, окружили его и просили его благословить их кувшины, открывали крышки, и о. Иоанн крестным знаменем осенял каждый кувшин, клал руки на головы чухонok, которые плакали от радости и целовали его руки.

Во время прогулки о. Иоанн объяснил мне, почему, несмотря на праздник в Кронштадте, он решил приехать к нам отслужить молебен в Попечительстве во имя Св. Николая Чудотворца. Постараюсь как можно точнее передать его слова. «Когда вы мне написали, что помощь голодающим солдатам предполагается устроить во имя Св. Николая Чудотворца, я почувствовал, что должен приехать. Я никогда не забываю 9 мая и того, что для меня сделал в этот день Св. Угодник Николай Чудотворец! И в этот день всегда особенно его праздную, благодарю и прошу его помощи и заступничества.

Это было давно! Я тогда еще был студентом Духовной Академии. За несколько дней до 9 мая ко мне зашел мой товарищ по Академии и сообщил мне горестную и ввергнувшую его в отчаяние весть, что он совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он неизлечим. Я ему говорю: «А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?» Пишу ему на бумаге; он прочел и говорит: «Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?» Я возмущен духом. Да ведь это невозможно, невысказано! И пишу ему на той же бумажке: «Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобою помолимся Николаю Чудотворцу, затем отслужим литургию, молебен с

акафистом. Так мы и сделали, и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что, после акафиста, мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9-го мая не забываю и всю жизнь благодарю Угодника Божиего за его помощь и заступление». Радостно и благоговейно встретили стрелки Императорской фамилии дорогого батюшку. Во время литургии жена унтер-офицера подошла к Св. Чаше с своим ребенком и радовалась, обливаясь слезами. Громко и проникновенно читал о. Иоанн акафист Св. Николаю Чудотворцу: «Отче Николае, моли Бога о нас», – говорил он, обращаясь как бы к присутствующему здесь, среди нас, лицу. Нижние чины при выходе о. Иоанна из церкви так обступили его, что офицерам пришлось взяться за руки и тесным кольцом его окружить, чтобы огородить его от желающих прикоснуться к нему и получить его благословение.

После 9 мая дела Попечительства сразу расцвели, явились жертвователи, и было собрано 8262 рубля и 112 пудов хлеба от оставшихся от обеда нижних чинов кусков. С 1-го сентября 1901 года по 1-ое июля 1902 г. Попечительство имело возможность снабжать хлебом 330 семейств пострадавших от неурожая и, кроме того, устроило для них, через удельных окружных надзирателей, работы, за которые они получали пособие мукой по числу душ в каждой семье.

К отцу Иоанну, как известно, обращались за советом не только миряне со всех концов России, но и духовные лица. Мне пришлось быть свидетелем выдающегося случая, когда к о. Иоанну приехал за советом диакон с Дона, молодой красивый казак. Отец Иоанн служил литургию в соборе совместно с приезжими священниками и диаконами. Стоя в алтаре, я невольно обратил внимание на молодого диакона, который все время литургии обливался слезами. Отец Иоанн особенно ласково с ним обращался и, после совершения Даров, дал ему в руки рипиду, которую он все время держал над Св. Чашей. Из расспросов я узнал, что диакон этот, во время пожара на Дону, потерял жену и детей, и у него остался только новорожденный, которого он вынес на руках из огня. И вот он приехал к о. Иоанну за советом, что ему делать, бросить ли ему сан, так как в монастырь он не желает поступить, а ребенка нянчить и воспитывать не может, не имея права в сане диакона жениться. После службы я подошел к диакону, выразил ему свое соболезнование и спросил, какой же дал ему совет и наставление отец Иоанн? «Да вот я уже неделю здесь живу и все спрашиваю у о. Иоанна, что мне делать, а он только и говорит: «Служи со мной», – и вот я и служу ежедневно, молюсь и плачу, а ответа не получаю». Я условился с диаконом, что он по дороге домой заедет ко мне. Недели через две заехал он ко мне, вид у него спокойный задумчивый, строгий. «Что же, –

спрашиваю я его, – сказал в конце концов о. Иоанн?» – «Да ничего не сказал, служил я с батюшкой, ежедневно приобщался Св. Таин, молились мы вместе, он меня благословил и отпустил, а на дорогу подарил мне подрясник, теплую верхнюю одежду и шапку». «Что же вы будете делать», – спросил я его. «О. Иоанн так служит, – ответил он, – что служить с ним великая отрада и утешение, я чувствую себя теперь спокойнее, какой-то мир водворился на душе. Решения я никакого не принял, поеду домой, а потом, что Бог даст! »

Лет через шесть после этого получил я телеграмму с Дона от этого диакона. Он просил меня навести справку в Синоде, прошло ли особое представление Донского архипастыря о разрешении посвятить его, вдового диакона, в священники на открывающуюся вакансию в какой-то станице. По наведенной мною справке оказалось, что Донской архиепископ просил, в виде исключения, разрешить посвящение достойнейшего вдового диакона в священники, на что и последовало разрешение Св. Синода.

В мае 1900 года Общество Приморских Санаторий⁵ предполагало открыть первую в России Приморскую Санаторию для хронических больных детей в Виндаве. Комитет Общества поручил мне просить о. Иоанна, вместе с Комитетом, поехать в Виндаву⁶, освятить первый павильон Имени Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны⁷ и заложить другие здания Санатории.

О. Иоанн, выслушав внимательно мой доклад о всех предположениях Комитета для облегчения страданий детей, больных туберкулезом костей, передал мне, что он согласен ехать. Все было устроено, и отъезд был решен на 10 мая в 8 ч вечера, через Ригу. В 12 ч дня 10 мая приезжает ко мне причетник Андреевского собора Киселев и передает мне собственноручное письмо о. Иоанна. Батюшка пишет, что ему сказали, что в Виндаве лежит глубокий снег, что добраться до Санатории очень трудно, что вообще в Виндаве очень холодно, и поэтому он не решается ехать так далеко. Я спросил у Киселева, где в настоящее время о. Иоанн. Оказалось, что он в подворье на Бассейной и обедает, после обедни, у игумении Таисии, которая празднует свои именины. Еду туда и захожу в большую залу, где обедает масса народу. О. Иоанн, видя меня издали, говорит: «Получили мое письмо? Ехать не могу». Я подошел к о. Иоанну и говорю: « Кто мог вам сказать такую неправду, что в Виндаве снег и холод и что добраться до Санатории трудно?» «Да вот оне говорят», – сказал батюшка, показывая рукой на своих соседок, каких-то старушек. «А вы им не верьте, оне просто стараются вас отговорить, не желают вашего отъезда. В Виндаве чудная, солнечная погода, снега давно нет, все сухо и начинает зеленеть, от города до Санатории у нас конная железная дорога, вагон для вас готов, едут с вами все члены Комитета. В Риге ждут вашего проезда, а в Виндаве весь город собирается вас

встречать». «Ну, так едем», сказал о. Иоанн и встал из-за стола. Все встали, и окружающие стали уговаривать его не ехать; о. Иоанн никакого внимания на них не обращал и расспрашивал меня, как устроить, чтобы он мог съездить в Кронштадт. «Я должен с собой взять Св. Дары, без которых никогда не езжу, и захватить с собой некоторые вещи». Решили, что о. Иоанн поедет сейчас же на Балтийский вокзал, с двухчасовым поездом в Ораниенбаум, а я устрою ему пароход с расчетом, чтобы он к шести часам был на Балтийском вокзале, к часу отхода поезда в Ригу. О.Иоанн сейчас же быстро и порывисто простился с окружающими, сел с какой-то старушкой в карету и приказал кучеру ехать на Балтийский вокзал. Приехали на вокзал, я усадил батюшку в поезд и уговорился с причетником насчет парохода. Ровно в 6 часов приехал о. Иоанн на Балтийский вокзал, и мы выехали через Ригу в Виндаву. Приехали в Ригу на другой день в 10 часов утра. В Риге на вокзале встречала о. Иоанна несметная толпа народа, его вынесли из вагона на руках и куда-то увезли. Я успел только просить полицеймейстера привести о. Иоанна на Тукумский вокзал к 12 часам дня. На всех станциях до Виндавы нас встречали огромные толпы, о. Иоанн открывал окно вагона, и ему в окно передавали маленьких детей, которых он благословлял и целовал, и детей возвращали родителям через другое окно. Замечательно, что ни один ребенок при этом не плакал и не пугался, и маленькие ручонки обнимали о. Иоанна за шею. В вагоне о. Иоанна все время сменялись пассажиры, некоторые сидели на полу, у его ног, и только смотрели на него. О. Иоанн все время читал Библию, громко читал и восхищался пророчествами Исаии, а простые женщины и монашки, сидящие у ног его, думали, что он пророчествует, умилялись, вздыхали и плакали. Приехали в Виндаву в 9 ч вечера. Весь город встречал о. Иоанна на вокзале, даже евреи толпились перед окнами вагона, галдели и кланялись. О. Иоанн поехал к почтенному старику протоиерею Алякритскому, настоятелю единственной в Виндаве православной церкви, при тюрьме. О. Алякритский спросил о. Иоанна, могут ли на следующий день приобщаться Св. Таин его прихожане. «Конечно, – сказал отец Иоанн, – но исповедовать я никого не буду, это ваша паства, исповедуйте их сами». Поздно вечером приехали со всех сторон православные священники и протоиерей с диаконом от Рижского архиепископа и долго сидели за чайным столом у престарелого протоиерея, вспоминали старики свои бурсаческие годы и пели хором канты. Рано утром о. Иоанн, в сослужении со всеми священниками и диаконами, отслужил утреню и литургию, после чего о. Иоанна увезли в город. Мы должны были в половине второго сесть в вагон конножелезной дороги, а батюшки все нет. Наконец в третьем часу привезли о. Иоанна на квартиру о. Алякритского, он, по-видимому, был страшно утомлен.

«Не могу ехать в Санаторию, – сказал мне о. Иоанн.– Я так устал, что еле стою на ногах, меня возили по всему городу, я был на месте строящейся

православной церкви, и в больнице, и в частных домах, меня везде угощали селедкой, так пить хочу, так устал, что не могу двигаться». Сейчас же распорядились дать батюшке чаю; я обещал, что он более получаса может спокойно спать в вагоне конножелезной дороги. Сели мы в чью-то коляску и поехали на нашу платформу. Я посадил батюшку на переднюю скамейку вагона, завернул его, усталого и измученного, в плед, и он тотчас же заснул крепким сном младенца. Приезжали приглашенные городские власти и гости и тихо, молча садились в вагон. Когда мы по лесу подъезжали к Санатории, пришлось разбудить усталого о. Иоанна. Он удивленно открыл глаза и, улыбаясь, сказал мне: «Куда это вы меня в лес завели». Приезд в Санаторию был необычайно радостный; солнце сияло; больные калеки-дети и служащие в Санатории с массой народа, добравшегося пешком, встречали нашего дорогого гостя. Отдохнувши, приступили к освящению Санатории. Батюшка совершенно ожил и перед началом молебна сказал прочувствованное слово, окончив его следующими словами: «В природе везде разлита в изобилии жизнь, и человек, находящийся на лоне природы, при известных условиях с своей стороны – умеренности и воздержанности от всего излишнего и греховного, – и сам оживляется, ободряется, укрепляется, так сказать, воскресает из мертвых. Пожелаем выздоровления всем детям, и настоящим, и будущим, которых сострадательная рука приведет сюда, а отцам и матерям дай Бог и самим быть здоровыми, и рождать детей здоровых».

После молебна о. Иоанн окропил св. водой все здания Санатории и места закладки новых зданий, и затем все пошли на высокую дюну над морем. О. Иоанн, видимо, наслаждался тишиной, чудным видом на море и чистым, живительным воздухом. Повернул я голову назад и вижу, что поодаль, под дюной, собирается громадная толпа рабочих в разноцветных рубашках, одетых по-праздничному. В это время строился Виндавский порт, и на постройках работали артели со всех концов России. Все эти артели собрались около павильона Санатории и ждали батюшку. О. Иоанн, обернувшись, заметил их, встал и пошел к ним. Они все, толпой в несколько сот человек, стали на колени и поклонились ему в ноги. «Здравствуйте, труженики, – ласково приветствовал их о. Иоанн, – встаньте, здравствуйте, дорогие друзья». «Здравствуй, наш дорогой батюшка, здравствуй, родной наш, – заголосили мужички, – мы за тобой пришли». «Как за мной», – спросил о. Иоанн. Один из старших, при общем молчании, объяснил о. Иоанну, что «мы, дескать, пришли за тобой всеми артелями, мы должны тебя по всем нашим постройкам пронести, ты должен все наши работы благословить, так решили все артели, и мы за тобой пришли».

– Да как же это, – сказал о. Иоанн, – ведь вы работаете в порту, на воде, как же я туда пройду?

– А мы тебя на руках снесем и будем передавать тебя от артели к артели.

«Как вы думаете, – сказал мне о. Иоанн, – ехать ли мне в порт с ними?»

«Придется ехать, – отвечал я, они ведь со всей России здесь на работах и желают, как и все мы, получить ваше благословение». «А вы поедете с ними на работы?» – спросил о. Иоанн. – «Да меня никто не приглашает», – отвечал я. «Ишь какой хитрый, смеясь добродушно, – сказал батюшка, – меня уговаривает, а сам не идет». «Да меня, дорогой батюшка, никто на руках носить не будет, как же я пройду по морю, на портовых работах?» Так и не дали о. Иоанну насладиться покоем, тишиной и видом на море, посадили мы батюшку в вагон, обступили его рабочие и шагом поехали в город к мосту. Там ждал пароход, и батюшку увезли в порт.

Мне передавали очевидцы, что действительно о. Иоанна пронесли на руках по всем портовым сооружениям, по молам, в открытое море, и артели бережно передавали его из рук в руки. Тут затем произошло нечто знаменательное, мы все были сконфужены и только впоследствии, через несколько лет, поняли, что прозорливый батюшка был прав. Начальник работ порта, поляк, был ретивый католик. Он, как потом оказалось, все время подсмеивался над восторженным приемом о. Иоанна в Виндаве, но, так как он был во главе всех портовых работ имел под своим ведением все рабочие артели, строил Санаторию и принимал деятельное участие в ее устройстве, то он решил у себя устроить для о. Иоанна парадный обед, на который пригласил всех приехавших на освящение Санатории. Пригласил же он о. Иоанна не накануне, даже не во время освящения Санатории, а когда утомленного и измученного о. Иоанна привезли из порта в вагон на вокзал, когда уже стемнело. Поэтому о. Иоанн отказался от обеда, и с ним осталось все духовенство. Так обед и не состоялся.

Впоследствии, во время революционного движения, начальник работ был смнен. О. Иоанн, отдохнув, пил чай в вагоне и диктовал о. А. А. сказанное им перед молебном слово. Ночью мы уехали из Виндавы и вернулись в Петербург 14 мая рано утром. Часто после этого видел я о. Иоанна, но никогда не видел его таким радостным, сияющим, довольным, как в Виндаве, на берегу моря, на высокой дюне, под соснами.

Когда о. Иоанн был уже серьезно болен, за несколько месяцев до его кончины, мне пришлось ехать к нему в Кронштадт по поручению священника и прихожан корельцев православной Крестовоздвиженской Манчусаарской церкви, стоящей как бы на страже православия на скале, на острове Ладожского озера. Молодой, энергичный священник о. Владимир Никитинский, бывший в детстве моим воспитанником, задумал перестроить ветхую церковь и обновить старую ризу на чудотворной иконе Св. Николая Чудотворца, перенесенной на остров Сальми двести лет тому назад и чтимой всеми корельцами-рыбаками. Церковь эта

пришла в полный упадок, крыша текла, ни облачений, ни утвари церковной, мало-мальски приличной, не было. На престоле двадцать лет лежало то же облачение. Все приходилось обновлять, а средства были самые скромные. Рыбаки-корелы и их пастырь решили просить благословения о. Иоанна и приступить к обновлению храма. Приехав накануне вечером в Кронштадт, я узнал, что о. Иоанн очень слаб и вряд ли будет служить. Тем не менее, как всегда, в 5 ч утра Андреевский собор был полон народом. К великой радости всех, в 6 ч утра приехал о. Иоанн, но на нем лица не было, он был мертвенно бледен и не мог уже читать на клиросе. Во время проскомидии и литургии о. Иоанн все время опирался руками на жертвенник и престол, и казалось, что он не выдержит, упадет в обморок. При совершении Даров о. Иоанн ожил, молился, как всегда, душой и после приобщения Св. Таин совершенно преобразился, и перед нами предстал прежний наш дорогой, ни с кем не сравнимый батюшка. Я просил разрешения у батюшки пройти к нему на квартиру. «Идите ко мне и ждите меня там, я скоро приеду, буду приобщать всех моих домочадцев», – сказал мне батюшка. О. Иоанн всю многолетнюю священническую службу при Андреевском соборе провел в маленькой скромной квартире отличающейся только тем, что во всех углах всех комнат были киоты с иконами, поднесенными ему со всей России. На шкапах – клетки с воркующими голубями, а перед окнами канарейки, без устали выводящие свои трели. И те и другие птички, конечно, подношения его почитателей, не знающих, чем проявить свою любовь к о. Иоанну. Скоро пришел о. Иоанн, бодрый, веселый, радостный, порывисто вошел в соседнюю комнату, где приобщил Св. Таин всех живущих у него. Первой подошла престарелая жена его, а последним дворник. В этой же комнате, представляющей из себя скорее склад всевозможных подношений, о. Иоанн принял и меня. Я подробно рассказал ему о корельской Манчусаарской православной церкви, о ревностном молодом священнике о. Владимире Никитинском и его евангельской пастве – простых, но глубоко верующих рыбаках-корельцах. «Говорите громче, – сказал о. Иоанн, – я что-то стал плохо слышать». Передал я о. Иоанну, что все они ему низко кланяются и просят его святых молитв и благословения на обновление древней православной церкви и чудотворной иконы Св. Николая Чудотворца. «Скажите о. Владимиру и его пастве, – сказал о. Иоанн громким и звонким голосом и осенил меня большим крестом, – что я от всей души их благословляю и благодарю за доверие. Я знаю корельцев и высоко ставлю их испытанную веру и глубокую привязанность к родной им православной церкви. Кланяюсь им и желаю успеха в обновлении древнего храма и чудотворной иконы великого Святителя.

Хочу участвовать в обновлении их храма и желал бы от себя пожертвовать им Дарохранительницу, но не имею таковой под рукой. Не можете ли вы приобрести Дарохранительницу и послать ее им от моего имени? » Я, конечно, с

радостью согласился. О. Иоанн ключом отпер ящик стола и начал искать в ящичке деньги, нашел 25-рублевую бумажку, которую отдал мне, сказав: «Больше не нашел, вот все, что у меня есть, боюсь, что будет мало». Я земно поклонился о. Иоанну от имени рыбаков-корельцев, сказав, что на 25 руб. приобрету Дарохранительницу и что глубоко верю, что почин дорогого батюшки, как всегда, оживит все дело, и что я не сомневаюсь, что, с Божией помощью, по его святым молитвам, весь Манчусаарский храм обновится во славу Божию.

Действительно, о.Владимиру и его пастве не только удалось привести храм в должный, благоустроенный вид, но в церковь поступили обильные пожертвования со всех сторон: риза к иконе св. Николая Чудотворца обновлена и украшена, вся церковная утварь: облачения, сосуды, напрестольное Евангелие – все получено с избытком, и, как венчание этого благого дела, Манчусаарская церковь украсилась звучными колоколами, звон которых не только возвещает на Ладожском озере благую весть Воскресения Христова, но и служит труженикам-рыбакам маяком; чудесный гул большого колокола во время туманов и непогоды ведет их к тихой пристани.

В заключение своих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском расскажу о полученном мною известии из Швейцарии. Оказывается, что в Женеве, на 6-м Интернациональном психологическом конгрессе⁸, на который собрались более 500 ученых, представителей всех стран и наций, был прочитан доклад нашей соотечественницы А.В. Полозовой «О. Иоанн Кронштадтский», возбудивший оживленные прения и захватывающий интерес. Доклад этот (тем интереснее, что сама А. В. Полозова католичка) полон чувствами глубокого уважения к почившему о. Иоанну, как к носителю благодатной силы, и кончается следующими словами: «Каковы бы ни были понятия человека, свойства его культуры, каковы бы ни были социальные условия той среды, в которой он родился, смело можно утверждать, что каждому человеку достаточно проникнуться Духом Христа, чтобы продолжать Его дело и низвести в потоке жизни творческую силу, которая ее перерождает и очищает.

*«Кронштадтский Пастырь» 1916. N 18. С.282–285; N 19. С.299–302;
N 20. С.316–320; N 21. С.331–335; N 22. С.349–351.*

Электронный ресурс: [Азбука веры](#)

*Озеров Давид Александрович – генерал-лейтенант, начальник Управления Собственного Его Императорского Величества Аничкового дворца; казначей комитета общества Приморских санаторий для хронически больных детей;

попечитель церковно-приходских школ при Собственном Его Императорском Величества дворе.

¹ Ин 1:14. – Прим. ред.

² Св. Синодом о. Иоанну было разрешено проводить общее отпущение грехов верующим, приходившим к нему на исповедь.

³ В 1891 г. в результате неурожая 20 млн. человек оказались на грани голодной смерти.

⁴ Удельные крестьяне – группа феодально-зависимых крестьян в крепостной России наряду с помещичьими и государственными. До 1917 г. – дворцовые крестьяне. Считались принадлежащими императорской фамилии. В 1857 г. численность их составляла 837,9 т. душ мужского пола. «Положение» об удельных крестьянах от 26 июня 1863 г. распространило и на них основное содержание Крестьянской реформы 1861 года.

⁵ Общество приморских санаторий основано по инициативе фрейлины Озеровой (по-видимому Екатерины Сергеевны Озеровой) под покровительством императрицы Марии Федоровны в 1898 г. Е. С. Озерова являлась Председателем комитета Общества приморских санаторий для хронически больных детей.

⁶ Виндава – прежнее название города Вентспилса в Латвии, незамерзающий порт на Балтийском море в устье реки Вента.

⁷ Мария Федоровна (Дагмара Датская; 1847–1928). С 1866 года – супруга Александра III, с 1881 г. императрица всероссийская. После Октябрьской революции проживала в Дании.

⁸ VI Интернациональный психологический конгресс состоялся в Женеве в 1909 г. (см. подробнее: VI- me Congres international de pshychologie Rapports et comptes rendus. Geneve, 1910)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27